

Мама Даси,

представитель Бога на земле

- Ты склонна говорить веселое или грустное?

- Я не могу сказать, что я склонна говорить то или другое, это зависит от обстоятельств. Я довольно реактивный человек и иногда, когда мне надо бы сказать веселое, могу ляпнуть грустное или промолчать.

- А критиковать любишь?

- Критиковать не люблю - на самом деле не люблю, когда при мне начинают критиковать жизнь, правительство, демократов...

- Почему ты не любишь критиковать? Ты проявляешься в виде качеств, действий и, одновременно, качество "не люблю критиковать". Как оно все связано?

- Если я могу в ситуации что-то исправить - я не буду критиковать. Я сделала то, что ее исправит. Если я вижу, что я исправить ситуацию не могу, то я опять же не буду критиковать, а просто, наверно, отойду в сторону. Вот. Я когда-то очень давно, лет в 14, прочла Воннегута "Бойня №5", и там были слова. Может быть, их даже не Воннегут придумал, скорее всего, он их просто пересказал. Но слова меня поразили на всю оставшуюся жизнь. Это была молитва главного героя, она звучала так: "Господи, дай мне душевный покой принимать то, что я не могу изменить, мужество - изменить то, что могу изменить, и мудрость - всегда отличать одно от другого".

- Да, это не Воннегут придумал, это сказал царь Соломон.

- И ко мне это дошло через него. И стало даже каким-то кредо. И когда в новостях показывают много-много трупов, и вся семья сидит в этом телевизоре...

- Не критикуем.

- Да. Я не смотрю. Не потому, что меня не интересует, что происходит, а потому что я не могу просто смотреть - или я должна ехать сдавать кровь, или что, или что?... если это в Израиле происходит, я лучше не буду смотреть.

- Не критика, но действие? Своё собственное.

- Да, своё собственное действие. Когда-то я была ярким критиканом - это, конечно, в школе. Я выросла в очень благополучной семье. Мой отец работал в международном отделе ВЦСПС и ездил за границу. У нас была очень по тем советским временам за пределами буржуазная благополучная семья. Понятно, что человек, который ездил за границу... на кухне обсуждались всякие разные вещи, совсем не те, которые говорили по программе "Время". Тем не менее, в школе приходилось жить, все-таки, комсомольской какой-то жизнью. И это вносило жуткий диссонанс. То, что на кухне было одно, а вокруг совершенно другое. И вот однажды на комсомольском собрании кто-то делал доклад, и вдруг я почувствовала, что я не могу больше это слушать. Доклад закончился, я встала и сказала: "Вы знаете, все это бессмысленно, мы занимаемся ерундой. Все, что сейчас было сказано, делать это незачем и никому не нужно". Был такой шок - у всех, и у меня тоже - когда я поняла, что я сделала. В тот момент, когда я уже раздумывала, что меня сейчас, наверно, выгонят из комсомола и всякое самое плохое сделают, наша пионервожатая взяла и обратила эту ситуацию в позитив. Она сказала: "Раз ты девочка такая умная, мы тебя - давайте, ребята проголосуем! - пускай Ира будет секретарем школы и пускай она делает то, что считает нужным". Тогда я впервые поняла, что критика - это такая штука, за нее надо отвечать. Да, меня выбрали секретарем школы. Совершенно диссидентствующую особу, которая читала все время какие-то самиздатские вещи. И вдруг я секретарь школы. Первое, с

Ирина Богусевская - певица, актер, поэт, философ.

чего я начала - это сделала огромную дискотеку для всех учеников и выпускников, причем, среди них много было хулиганов, которых никогда не пускали в родную школу, а я с ними договорилась, что они придут и обеспечат порядок. Так я улучшила жизнь в отделе взятой школе.

- Ты привела высказывание: "Господи, дай мне делать то, что я могу сделать, не делать то, чего не могу, и мудрость отличить одно от другого". Как ты отличаешь одно от другого?

- Ой, с трудом, с трудом. Это самое трудное, на самом деле. Но какая-то тут интуиция всегда есть.

- Понимание и умение это делать, оно ж как-то развилось? От 14 лет?

- Когда-то, особенно на первых курсах университета, когда мне было уже 17, я очень сильно страдала от рефлексии, меня мучило ощущение постоянной раздвоенности, вплоть до какой-то шизофрении уже. Я ужасно много читала, всю жизнь ужасно много читала, в какой-то момент я начала о себе думать так - "она сидела за круглым столиком и слушала ненавязчивую музыку". У меня постоянно в голове звучал голос, который говорил мне: "Выпрями спину!" Или: "Ты слишком громко разговариваешь!" Мне так мешал этот КПП, я никак не могла его отключить!

- КПП?

- Контрольно, ну, какой-то пропускной пункт, который все отслеживал, регистрировал, самописец работал. Если бы я делала карьеру, то в том состоянии это делается намного легче. Потому что, когда в голове все время звучит этот голос, ты делаешь правильные, с пиаровской точки зрения, вещи. Ну, скажем, все курили сигареты в университете, я вышла на перемену с сигаретом и трубкой. Понятно, что перемена успевала кончиться. Пока я успевала забить эту трубку. Может быть, я успевала пыхнуть два раза. Потом, соответственно, я все это тушила и шла на очередную лекцию. Но, понятно, "разговаривать с сигаретой" и "разговаривать, забивая трубку" - это две совершенно разные вещи. ...Я очень сильно боролась с этим голосом. Он мне мешал жить. Он все время, даже когда я, прошу прощения, в самые интимные моменты... да. "Ты недостаточно красиво прогнулась!"

- Боже мой... (смех)

- Да, между прочим. Это было ужасно совершенно. Искусство жить "здесь и сейчас" - оно мне было абсолютно недоступно. Какая-то часть моего сознания все время долдонила мне, я никогда не могла ее отключить. Я стала с ней бороться. Причем, вот разрази меня гром, если я помню, как именно я пыталась ее отключить! Может быть, я много пила водки. Или портовина. "Агдам". Как вспомню, так вздрогну. Никаких других, к счастью, средств тогда мы не знали, слава Богу.

- И ты постепенно вышла из-под контроля этого голоса?

- Я постепенно научилась не просто его останавливать, я вообще научилась его удалять из своей головы. Я научилась быть в том моменте, в котором я нахожусь. Не контролировать себя постоянно на предмет того, насколько я адекватна, умна, интеллигентна, правильно ли я говорю, говорю ли я то, что надо сказать. От этого я избавилась. Стало, с одной стороны, проще. А с другой - намного труднее.

- Научившись исключать голос, ты научилась быть сама собой, адекватной?

- Да, да. Я и раньше была сама собой, только мне приходилось себя очень сильно корректировать. Я научилась отпускать себя на волю.

- В этом процессе - "научиться отключать голос" - ну, фактически, стать свободным, отпустить себя на волю, ум помогает или мешает?

- Ум и есть та бабда, которую надо отключать на самом деле. Рацио!

- Ты же ее отключаешь с помощью ума?

- Вряд ли. С помощью сознания. Я сознательно отключаю ум.

- То есть сейчас ты глупая?

- Да.

- Не верю!

- Это надо назвать не ум, а, предположим, рассудок.

- А если не вдаваться в тонкости слов?

- Это не слова, это очень важные разные вещи. Вот рассудочные люди... У меня есть родственницы. Всю жизнь они мне говорили: "Ира, не будь белой вороной". Я у нас в семье одна такая. Все остальные живут нормальной жизнью - работа, дом...

- То, что ты умная, тебе помогает в жизни или мешает?

- Во-первых, спасибо за комплимент, конечно...

- У тебя есть ум, и отрезать его невозможно. И надо что-то делать... Надо эту штуку трансформировать.

- На последнем курсе мой научный руководитель, Анатолий Федорович Зотов... - я пришла и сказала: "У Вас нет такой темы в списке работ, но я хочу ее писать у Вас", написала я у него курсовые и потом диплом - и в какой-то момент он мне сказал: "Вы знаете, Ира, о том, что умным женщинам очень трудно устроить свою личную жизнь?" Посмотрел на меня и сказал: "Вы знаете об этом?"

- Ну, ты как умная женщина, конечно, это уже знала?

- Нет. Мне никогда и ничто не мешало устраивать свою личную жизнь

- Я имею в виду, знала эту расхожую мудрость?

- Я ему сказала тогда совершенно искренне: "Анатолий Федорович, мне кажется, что если умная женщина хочет быть счастливой, - вот я сказала эту фразу, я горжусь ей до сих пор, я сказала, - если она хочет быть счаст-

ливой, она должна быть немножко мудрее своего ума". Как я это выговорила, не понимаю, но это очень правильная мысль. Есть ум, а есть мудрость. Умные люди очень часто бывают несчастны. А несчастных мудрецов не бывает.

- Говоря другими словами, с 14-и лет ты мечтала о мудрости?

- Нет, с 14 лет я мечтала быть великим деятелем русской литературы. Я читала запоем Ахматову, Цветаеву и, вообще, все, что надо сказать. От этого я избавилась. Стало, с одной стороны, проще. А с другой - намного труднее.

- Научившись исключать голос, ты научилась быть сама собой, адекватной?

- Да, да. Я и раньше была сама собой, только мне приходилось себя очень сильно корректировать. Я научилась отпускать себя на волю.

- Ты же ее отключаешь с помощью ума?

- Вряд ли. С помощью сознания. Я сознательно отключаю ум.

- То есть сейчас ты глупая?

- Да.

- Не верю!

- Это надо назвать не ум, а, предположим, рассудок.

- А если не вдаваться в тонкости слов?

- Это не слова, это очень важные разные вещи. Вот рассудочные люди... У меня есть родственницы. Всю жизнь они мне говорили: "Ира, не будь белой вороной". Я у нас в семье одна такая. Все остальные живут нормальной жизнью - работа, дом...

- То, что ты умная, тебе помогает в жизни или мешает?

- Во-первых, спасибо за комплимент, конечно...

- У тебя есть ум, и отрезать его невозможно. И надо что-то делать... Надо эту штуку трансформировать.

- На последнем курсе мой научный руководитель, Анатолий Федорович Зотов... - я пришла и сказала: "У Вас нет такой темы в списке работ, но я хочу ее писать у Вас", написала я у него курсовые и потом диплом - и в какой-то момент он мне сказал: "Вы знаете, Ира, о том, что умным женщинам очень трудно устроить свою личную жизнь?" Посмотрел на меня и сказал: "Вы знаете об этом?"

- Ну, ты как умная женщина, конечно, это уже знала?

- Нет. Мне никогда и ничто не мешало устраивать свою личную жизнь

- Я имею в виду, знала эту расхожую мудрость?

- Я ему сказала тогда совершенно искренне: "Анатолий Федорович, мне кажется, что если умная женщина хочет быть счастливой, - вот я сказала эту фразу, я горжусь ей до сих пор, я сказала, - если она хочет быть счаст-

ливо, она должна быть немножко мудрее своего ума". Как я это выговорила, не понимаю, но это очень правильная мысль. Есть ум, а есть мудрость. Умные люди очень часто бывают несчастны. А несчастных мудрецов не бывает.

- Говоря другими словами, с 14-и лет ты мечтала о мудрости?

- Нет, с 14 лет я мечтала быть великим деятелем русской литературы. Я читала запоем Ахматову, Цветаеву и, вообще, все, что надо сказать. От этого я избавилась. Стало, с одной стороны, проще. А с другой - намного труднее.

- Научившись исключать голос, ты научилась быть сама собой, адекватной?

- Да, да. Я и раньше была сама собой, только мне приходилось себя очень сильно корректировать. Я научилась отпускать себя на волю.

- Ты же ее отключаешь с помощью ума?

- Вряд ли. С помощью сознания. Я сознательно отключаю ум.

- То есть сейчас ты глупая?

- Да.

- Не верю!

- Это надо назвать не ум, а, предположим, рассудок.

- А если не вдаваться в тонкости слов?

- Это не слова, это очень важные разные вещи. Вот рассудочные люди... У меня есть родственницы. Всю жизнь они мне говорили: "Ира, не будь белой вороной". Я у нас в семье одна такая. Все остальные живут нормальной жизнью - работа, дом...

- То, что ты умная, тебе помогает в жизни или мешает?

- Во-первых, спасибо за комплимент, конечно...

- У тебя есть ум, и отрезать его невозможно. И надо что-то делать... Надо эту штуку трансформировать.

- На последнем курсе мой научный руководитель, Анатолий Федорович Зотов... - я пришла и сказала: "У Вас нет такой темы в списке работ, но я хочу ее писать у Вас", написала я у него курсовые и потом диплом - и в какой-то момент он мне сказал: "Вы знаете, Ира, о том, что умным женщинам очень трудно устроить свою личную жизнь?" Посмотрел на меня и сказал: "Вы знаете об этом?"

- Ну, ты как умная женщина, конечно, это уже знала?

- Нет. Мне никогда и ничто не мешало устраивать свою личную жизнь

- Я имею в виду, знала эту расхожую мудрость?

- Я ему сказала тогда совершенно искренне: "Анатолий Федорович, мне кажется, что если умная женщина хочет быть счастливой, - вот я сказала эту фразу, я горжусь ей до сих пор, я сказала, - если она хочет быть счаст-

ливо, она должна быть немножко мудрее своего ума". Как я это выговорила, не понимаю, но это очень правильная мысль. Есть ум, а есть мудрость. Умные люди очень часто бывают несчастны. А несчастных мудрецов не бывает.

- Говоря другими словами, с 14-и лет ты мечтала о мудрости?

- Нет, с 14 лет я мечтала быть великим деятелем русской литературы. Я читала запоем Ахматову, Цветаеву и, вообще, все, что надо сказать. От этого я избавилась. Стало, с одной стороны, проще. А с другой - намного труднее.

- Научившись исключать голос, ты научилась быть сама собой, адекватной?

- Да, да. Я и раньше была сама собой, только мне приходилось себя очень сильно корректировать. Я научилась отпускать себя на волю.

- Ты же ее отключаешь с помощью ума?

- Вряд ли. С помощью сознания. Я сознательно отключаю ум.

- То есть сейчас ты глупая?

- Да.

- Не верю!

- Это надо назвать не ум, а, предположим, рассудок.